

Русская гуманитарная мысль: теория и практика

Научная статья
УДК 930.85:801.7
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-128-141

Трансформация Русского мира в раннесоветский период

Тамара Юсуфовна Красовицкая

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
tkrasovitskaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается первый период становления Советского государства в контексте поисков языковых форм и паттернов, соответствующих меняющейся картине мира. Анализируется культурно-политический фон, оказывающий влияние на изменение контента Русского мира. Акцентируется внимание на отдельных функциях языка и их роли в формировании механизмов влияния на сознание масс. В конкретно-исторический анализ впервые вовлечены источники, ранее применяемые в лингвистике и литературоведении.

Ключевые слова: Русский мир, раннесоветский период, авангардизм, пропаганда, идеология, ЛИТО

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023—2025 гг. (руководитель — академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования: Красовицкая Т. Ю. Трансформация Русского мира в раннесоветский период // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 128—141. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-128-141.

Russian humanitarian thought: theory and practice

Original article

Transformation of the Russian World in the Early Soviet Period

Tamara Yu. Krasovitskaya

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tkrasovitskaya@mail.ru

Abstract. The article deals with the first period of the formation of the Soviet state in the context of the search for language forms and patterns corresponding to the changing world picture. The cultural and political background influencing the changing content of the Russian world is analyzed. Attention is emphasized on the individual functions of language and their role in the formation of mechanisms of influence on the consciousness of the masses. For the first time the sources previously used in linguistics and literary studies are involved in the concrete-historical analysis.

Keywords: Russian world, early Soviet period, avant-gardism, propaganda, ideology, LITO

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the program of scientific research related to the study of ethno-cultural diversity of the Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity 2023—2025 (head — Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

For citation: Krasovitskaya T.Yu. Transformation of the Russian World in the Early Soviet Period. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):128—141. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-128-141.

В актуальных исследованиях забвений, преодолений, ностальгий, фреймов, рессентимента, травм, фронтиров, так или иначе связанных с идеей Русского мира, важно привлечь внимание к раннесоветскому периоду формирования дискурса, протекавшего в пространстве власти, в разных практиках первых лет формирования Советского государства. Актуальные инверсии истории и памяти, войны, которые ведутся на этом поле, нуждаются в осмыслении и уточнении. В данной статье рассмотрим общественно-политические процессы, определившие трансформацию идейно-культурной концепции Русского мира, синтеза государственных задач и языковых ресурсов, послужившего развитию не только политической системы, но и лингвистики.

Российское общественное сознание к 1917 г. представляло собой духовно-интеллектуальный сплав идей разной степени радикализма: символистской «третьей духовной революции», «нового религиозного сознания» Д. Мережковского, богостроительства А. Луначарского и М. Горького, философии «общего дела» Н. Федорова, теософии Е. Блаватской, христианского социализма С. Булгакова, экуменизма В. Соловьева, космогонических фантазий Э. Циолковского, христианского анархизма Л. Толстого и, конечно, марксизма в разных изводах его исповедования.

После октября 1917 г. институт государства подвергся серьезным трансформациям. Перед представителями разных литературных течений и групп встал вопрос о возможности взаимодействия с новой властью. Многие деятели искусства и науки связывали с революционными преобразованиями большие надежды. «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — такой вопрос задала газета «Петербургское эхо» литературным и общественным деятелям в начале января 1918 г. А. Блок ответил без колебаний, что может и обязана. «...У интеллигенции звучит та же музыка, что и у большевиков... Декреты большевиков — это символы интеллигенции...» [1]. Эль Лисицкий подчеркивал особенность момента: «Интеллектуалы, академики ожидали прихода „нового времени“ в образе Мессии с сияющим нимбом над головой, в белых одеждах на белом коне, с наманикюренными руками» [2]. Разночинцы с Васильевского острова и Петроградской стороны, сверстники российского и советского теоретика литературы Виктора Шкловского и его товарищи выбирали революцию сознательно. Они действительно верили: политическая свобода способна творить чудеса. Культура, как и власть, имеет дело с чрезмерностью, всплесками энергии, бесцельными и потому прекрасными. А главное — при новом режиме социальные лифты будут двигаться с огромной скоростью... С апломбом называют они модернизм, авангардизм, футуризм, супрематизм передовыми и передовейшими «революционными течениями». В. Б. Шкловский вспоминал позже: после революции его поколение рассчитывало на «диктатуру Академии наук, точнее — диктатуру искусства. Мы были убеждены, что это случится» [3, р. 125]. А. В. Луначарский, увлекаясь, хотя и помня их умение метать отравленные стрелы в прежнюю власть (сам участвовал!), считал: в будущем нового человека и нового общества они разберутся.

Сообразно политической трансформации общества происходило переосмысление идеи Русского мира, лежащей в центре культурных традиций. Основную тему брюсовской историософии о трагической смене культур разделял И. А. Аксенов, блюститель традиций русского авангарда, сторонник радикального новаторства, организатор диспутов о новом искусстве с Д. Д. Бурлюком, В. В. Маяковским, А. В. Лентуловым. В 1918 г. Аксенов

вошел в состав Совета ЛИТО Наркомпроса от литературной группы конструктивистов. Идеолог западной ориентации среди московских футуристов, он с начала 1920-х — ближайший сподвижник Вс. Э. Мейерхольда. Философ и эзотерик П. Д. Успенский пытался заложить интеллектуальные и духовные основы культуры нового типа. Его видение творческих исканий в России и на Западе основано на идее иерархического строя реальности, различных уровней знания и сознания, подъема и упадка цивилизаций [4]. Писатель, психолог и философ, он объяснял сложное сплетение жизненных и философских влияний Запада и Востока. Пробираясь в 1919 г. к югу, подальше от Наркомпроса, Успенский неистовыми декламациями прокладывал путь арсеналам радикальных доктрин. Его литературный герой «обещал дать людям все, о чем они мечтали, все, о чем они могли бы мечтать. И ни на секунду он не задумался о том, может это быть выполненным или нет». Как культурную катастрофу Успенский оценивает то, что произошло после смены государственного строя в октябре 1917 г.: «Фактически жизнь России была остановлена в первую минуту революции. Эта минута означала уничтожение какой бы то ни было возможности культурной работы» [5]. Поборник теории Третьего Ренессанса А. К. Топорков, философ из круга «Мусагета», оказавшись руководителем «диалектического кружка» при Военной академии штаба РККА, выдвигал очередную модель развития русской культуры: Россия и славянский мир должны осуществить новое Возрождение, прообразом послужит позднеантичная александрийская культура с ее характером, объединяющим Запад и Восток. Идеи Топоркова разделяли Вяч. Иванов и античник Ф. Ф. Зелинский, «символистом в душе» его называл А. Ф. Лосев [6—8].

Тем не менее коммуницирование со складывающейся политической реальностью помогало представителям разных сторон приспосабливаться к ней, преобразовывать ее. Язык получил статус *природного ресурса государственного строительства*, его политических практик. Кипящие споры вокруг возникающих политических проектов и планов, например монументальной пропаганды, реформы школы и вузов, судьбы театрального Октября и пр. привлекали символистов, акмеистов, имажинистов, поэтов, прозаиков и переводчиков, эссеистов, критиков. Языковые проблемы вовлекали в дискуссии, связанные с научной и политической рефлексией в границах разных проблемных полей [9].

Так, изменение правописания 1918 г. — сложная и неоднозначная проблема, требующая тщательного изучения как с культурной, так и с исторической точки зрения, встретила резкую критику политического характера. Творческая элита не принимала большевистскую революцию и ее последствия, в том числе и реформу орфографии. Больше всего нападков было на низкий профессионализм реформаторов, сильных лишь большевистским напором. Но созданная при Отделении русского языка и словесности Академии наук Орфографическая комиссия с 1904 г. призвана была решить задачу упрощения русского письма (в первую очередь в интересах школы). Возглавлял ее выдающийся языковед Ф. Ф. Фортунатов, в состав входили А. А. Шахматов (возглавивший комиссию в 1914 г. после смерти Фортунатова), И. А. Бодуэн де Куртенэ, П. Н. Сакулин и др.

В ходе исследования М. О. Карманова выявила четыре причины негативного отношения научной и литературной элиты к реформе правописания. Первая причина — социокультурная: орфография воспринималась как одна из основ культуры. Ее изменения воспринимались как предательство исторических устоев, нарушение культурных кодов. Вторая причина крылась в том, что реформа, по мнению творческой элиты, представляла собой прямое вмешательство в личную и творческую жизнь. Третья причина: изменение правописания олицетворяло собой «секуляризацию русского языка». И четвертая, основная причина была сугубо политической [10, с. 130—135].

Вяч. Иванов, работавший в ЛИТО и других отделах Наркомпроса, считал реформу правописания «антиэстетической», восклицая, что «преемственностью может ли дорожить умонастроение, почитающее единственным мерилом действенной мощи — ненависть, первым условием творчества — разрыв?» [11, с. 89] Он вывел на поверхность основной источник конфликта, затронув столкновение двух принципов — исторического (связанного с церковнославянским языком) и фонетического письма как причину несогласия с реформой.

Поэты, писатели, философы и ученые были уверены, что большевики шли на поводу у безграмотных масс и упростили орфографию, чтобы поставить на один уровень интеллигенцию и безграмотные массы. Негативное отношение к реформе усиливалось из-за насильственной реализации: не объяснялась необходимость реформы, упраздненные буквы изымались из типографий и наборных касс, изъятие порождало множество казусов.

В научных кругах отношение к реформе правописания было неоднозначным. Филолог Ф. Браун называл реформу «педагогически разумной» [12, с. 2—3]. Он поддерживал идею П. Н. Сакулина, что правописание должно быть доступно: «Безразлично, как пишет человек, — лишь бы написанное им понималось читающим без труда». Филолог и литературовед Н. К. Кульман из Комиссии по русскому правописанию при Императорской академии наук противился нововведениям из-за их принудительного введения. Эмигрировав в 1919 г., он утверждал: «Реформа была принята в атмосфере революционного кипения и при помощи революционных методов... Новая орфография, совершенно не будучи академической, стала большевицкой». Отрицательное отношение он объяснял политическими причинами. «Для кого „новая“ Россия начинается с большевиков, тот, само собой, должен защищать и новое правописание, один из их атрибутов, но кто не с большевиками, тот должен старую орфографию оберегать», поскольку «...крутая и насильственная ломка правописания в стране с богатым литературным наследием — недопустима» [13, с. 15].

Власти, упорядочивающей этнокультурный дискурс в политическом пространстве, необходим был адекватный язык для создания новой картины мира. Особое значение обрела номинативная функция языка. Перемена названий позволяла менять смысловые рамки (фреймы), что давало возможность влиять на восприятие и формировать новое сознание. Изменение названий, придание им нового смысла, с одной стороны, прерывало связь с дореволюционным прошлым многих сфер жизни, предавало забвению все, что напоминало о нем, а с другой — создавало впечатление обновления всех сторон жизни общества. Более того, перемена наименований призвала к существенным изменениям самого объекта номинации. Прагматическая сторона дела определялась *учительным и мессианским* отношением.

Ленинские установки задавали политические императивы практикам «переформатирования» сознания и поведения человека. Партийные верхи стремились воздействовать на общественное сознание, реализуя свои цели именно через лексику. В. Шкловский, один из представителей русского формализма, считал главной функцией языка и создаваемой им картины мира в политической коммуникации борьбу за политическую власть. Он отмечал *политически важный талант* коммуницирования новых лидеров в стране, особенно выделяя Ленина, создав яркий образ воздействия его мысли: «...катил свою мысль как громадный булыжник... он *сминал перед собой сомнения*, точно кабан тростник» [14, с. 52].

Сразу после смерти Ленина, 6 марта 1924 г. в Российский институт истории искусств (Разряд истории словесных искусств), «основную цитадель формализма», поступил циркуляр Главнауки, которая, руководствуясь постановлением Наркомпроса «О мероприятиях по изучению жизни и деятельности В. И. Ленина», потребовала от учреждений «указать, в какой

форме» они собираются «отразить в процессе своей работы личность и идеи» вождя. Все, конечно, почувствовали политическое давление, однако В. М. Жирмунский продолжал изучать целостность развития человеческой культуры на примерах исторической поэтики, продолжая работу А. Н. Веселовского, умершего в 1918 г. Но на заседании 19 марта 1924 г. «слушали заявление Б. М. Эйхенбаума о том, что группа членов Разряда приступила к работе по изучению языка и стиля ЛЕНИНА». Для придания работе «более широкого характера» он предложил образовать «межведомственную комиссию по изучению языка и стиля ЛЕНИНА, которая объединила бы в этой работе научно-исследовательский Институт при Университете, Словесный разряд Института Истории Искусств и Институт Живого Слова». Заявление Эйхенбаума о готовности «приступить к работе» кажется странным: ведущими «ОПОЯЗовцами» (Шкловский, Эйхенбаум, Тынянов, Якубинский и Томашевский) уже написаны статьи, посвященные языку и стилю Ленина в журнал «Леф». Вышедший в 1924 г. первый номер журнала открыт призывом-статьей редакции: «не торгуйте Лениным!»; «учитесь у Ленина, но не канонизируйте его». Далее публиковались тексты статей В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Л. Якубинского, Ю. Тынянова, Б. Казанского [14—18].

ОПОЯЗовец с аспирантских лет, Якубинский стал секретарем комиссии по изучению языка Ленина, видел изучение языка Ленина делом «очень даже научным». Он не только сотрясал воздух на тему изучения языка диктатуры пролетариата, но и стал пионером социолингвистики [19 ; 20]: «Задача науки, — писал он, — не только исследовать действительность, но и участвовать в ее преобразовании; языкознание... давало и дает теоретическую основу для разработки практики воспитания и обучения речи в школе; но его значение... неизмеримо возрастет, если оно направит свое внимание на такие объективно существующие в быту и обусловленные им технически различные формы организованного речевого поведения человека, как устная публичная (т. е. „ораторская“) речь или речь письменная публичная, в частности публицистическая... Поскольку эти — социально чрезвычайно важные — речевые разновидности... подразумевают некую выучку, воспитание, обучение для тех, кто в данных направлениях хочет практически работать в обществе. Отсюда совершенно ясно вытекает необходимость организации технического образования в области речи, которое будет жалким кустарничеством, если не будет основано на науке, как своей базе... технология речи — вот то, что должно родить из себя современное научное языкознание, что заставляет его родить действительность» [16, с. 71—72].

ОПОЯЗовские наблюдения за языком Ленина выявили важные критические интуиции о появлении в науке идеологии [21]. ОПОЯЗовский анализ языка Ленина опознавал идеологический аппарат *самой идеологии набором установок восприятия реальности* [22 ; 23]. Это заставляет предположить сложную субъектность опоязовцев: появление *идеологии еще имело подчиненное научному значение* [24].

Деканонизатором назвал Шкловский Ленина, описывая ломающую привычные контекстуальные связи его речь, обнажающую новые отношения между словами и их понятийными смыслами [22, с. 226]. «Ленина звали „раскалыватель“, действительно, он охотно шел на раскалывание явления» [14, с. 55]. А. И. Куприн после встречи с Лениным отметил, что он «нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая — уничтожаю» [25]. В коридорах наркомата лингвисты пересекались с М. Покровским и другими строителями новой системы образо-

вания, увлекавшими формалистов на заседания, чтобы направить их талант на службу сложных паттернов, на политические поиски тождества языковых проблем и исторической ситуации.

Луначарский, не разбираясь основательно, как, например, В. Шкловский, в анализе лингвистов, продолжал использовать «кадры» в политических проектах. Вместе с другими советскими теоретиками 1920-х гг. (Л. Троцкий, Н. Бухарин, В. Фриче и др.) активно «пристраивал» их к работе по идеологической «нормализации» масс. Те ощущали уже скрытую власть политического принуждения. Но В. Шкловский, хорошо понимая суть авангардизма, остроумно заметил: «Великая русская литература — большое несчастье для современности. Потому что от нее ждут „большого полотна” и Кити Левину — комсомолкой» [26, с. 79].

Вопрос языка в новой общественно-политической реальности стоял остро и в этнокультурном аспекте. Так, 3 июля 1919 г. на заседании Госкомиссии по просвещению драматизм проблемы концентрировал жесткий императив — задачи стоят «коммунистические и интернациональные»: «немедленно, может быть, ввести один общегосударственный язык» [27, л. 96, 103]. Однако Б. Б. Каратаев (казахский депутат от ВЦИК) остудил желающих снизить этническую актуальность проблемы: «В таких случаях мы считаем своей нравственной обязанностью вставать и кричать... для тех, кто мыслит социалистически, марксистски», что целью просвещения «несомненно... должна быть 1) ассимиляция народностей в идеале... Затем... одна единая общечеловеческая пролетарская культура». Но «нужно задуматься» и над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие... 99,9 % чувашей, мордвы, вотяков, черемис и т. д.». Тогда придется признать, что родной язык — «единственное орудие влияния». Замнаркома просвещения М. Покровский, руководивший совещанием, признал: «мешать самостоятельному развитию... мы не должны» [27, л. 112—117].

В контекст аналитических рассуждений включались молодые фонологи и социолингвисты В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Н. Яковлев, Г. Винокур, оценивая авангардный историко-культурный феномен практик «языкового строительства» молодой власти. Споры увязывались с социокультурными задачами времени. Г. Винокур настаивал на профессиональном подходе к решению политической проблемы «нашей революционной фразеологии и нашей языковой политики... Никто решительно, конечно, не знает, что такое — языковая политика; в особенности же загадочна наша языковая политика, и по очень простой причине: нашей языковой политики в природе вообще не существует. Между тем такая политика насущно необходима, ибо армия бесписменных народов юго-востока Европейской России и Сибири начала выделять специалистов (большую частью — весьма сомнительных), которые изобретают национальные алфавиты, составляют национальные грамматики, начинают вводить свой язык в круг административно-государственного пользования и т. п. <...> Является ли это массовое производство туземных Кириллов и Мефодиев элементом языковой политики? <...> Политика в области языка строится не на основе руководства какими-либо принципиальными лингвистическими положениями. И в том, и в другом случае — политические меры в области языка несколько, в сущности, не затрагивают языка, как такового: и не только потому, что инициаторы этих мер ставят себе цели, языку посторонние... но также и потому, что предписания... отдаются *не языку, а людям*: „не говорите по-русски”, „говорите по-чувашски”». Винокур уточнял мысль: «Языковая политика, в соответствии с вышесказанным, должна ставить себе цели строго лингвистические, хотя бы осуществление этих целей и могло быть затем использовано в социально утилитарном смысле; а главное — языковая политика должна осуществляться строго-лингвистическими ме-

тодами, а не дубинками и кулаками». Досталось от Винокура партийному пропагандисту И. Вардину и Л. Троцкому: поэты, считал формалист «лучше, чем кто-либо, сумеют выполнить задания, которые наметит языковая политика. Что же касается до руководства этой политикой, то так как оно немыслимо без строгих лингвистических познаний, оно, конечно, должно принадлежать лингвистам — языковым технологам. Всякое иное руководство будет смахивать на политику царских чиновников и нынешних окраинных государств. Другое дело — приспособление результатов этой политики к практическим социальным нуждам» [28].

В силу созвучности задачам постреволюционного времени на первый план вышел авангардизм. Нарком просвещения А. Луначарский видел: благодаря творчеству авангардистов Россия выдвигается в число стран, искусство которых определяет не только уровень мировой цивилизации, но и наполняет идеями ее содержание. Отношение к авангардизму перекрывало все национальные различия народов многоязыковой евроазиатской империи. Течение русского авангарда было многогранным. В нем отсутствовало единообразие идей, форм и способов осмысления жизни. Стремление к борьбе за свободу в реальности, за право свободного мышления и чувствования преобладало в создании новых форм культуры и искусства, философии, а, главное, в социальной организации нового индустриального мира с его урбанизацией и новыми технологиями. Все направления развивались не изолированно, синтезируя в своем творчестве разные начала, новые взгляды и пр. Больше других подходили конструктивисты, стремившиеся отразить современное индустриальное общество и городское пространство. Символисты при этом выражали сложные идеи, используя символы и метафоры. Авангардисты набирали силу. Язык, объединявший людей в символическую сеть, являлся одной из базовых технологий и практик, придавал и передавал им глубоко заложенный смысл. Решение виделось в овладении языком как ресурсом материализации авангардных идей в сложнейших обстоятельствах.

Остро вставала проблема с кадрами, которые будут решать эту задачу. 1 июня 1918 г. О. Мандельштам по рекомендации Луначарского поступил в Наркомпрос заведующим подотделом художественного развития учащихся в отделе реформы высшей школы с окладом 600 руб. [29] Когда Наркомпрос переехал в Москву, Мандельштам перебрался в новую старую столицу, поселился в «Метрополе». Там он, кажется единственный раз в жизни, лицом к лицу столкнулся с Лениным [30]. Регулярно, как показывают архивные протоколы, он посещал заседания коллегии отдела реформы школ и его подотделов, где шла разработка основополагающих документов создающейся советской трудовой школы [31, л. 210, 234—235, 258, 291].

11 декабря 1919 г. коллегия Наркомпроса утвердила положение о Литературном отделе (ЛИТО). Луначарский доволен: в Петрограде, наконец, «главный вопрос о заведующем Литературным отделом счастливо разрешен. Алексей Максимович Горький очень заинтересовался этим делом, согласен стать во главе его и быть заведующим» [32, с. 247—249]. В Москве заведовать отделом назначен В. Я. Брюсов. Н. Гумилёв, работая во «Всемирной литературе», предполагал работать в Петроградском отделении ЛИТО Наркомпроса и вел об этом переговоры [33]. В 1920 г. ЛИТО войдет в состав Главполитпросвета, который возглавит Н. Крупская. ЛИТО состоял из академического, художественного, пропагандистского и литературно-издательского подотделов.

В ЛИТО осуществлялись масштабные проекты, наполняющие концепт Русского мира новым содержанием, способным оказывать существенное влияние на развитие не только русской, но и мировой культуры. Редакционная коллегия «Всемирной литературы» помогла создать каталог будущих изданий. Он вышел в 1919 г. на русском, французском, английском

и немецком языках, чтобы иностранцы видели, как писал Горький Ленину, что «российский пролетариат не токмо варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди». Горький выделял восточное направление деятельности: «Теперь нами организовано издание „Литературы Востока“, в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими. <...> Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы» [34, с. 74—75]. «Замысел... громаден и универсален: дать рожденному революцией многомиллионному читателю все ценное, созданное человечеством в области литературы за всю историю его существования на всех языках», — писал Н. Чуковский [35].

С образованием ЛИТО языковая сфера как система интеллектуального развития общества связывалась с патронажем государством. Брюсов, возглавляя ЛИТО, закладывал *основы этносимволизма*, внимание к нему стало существенным в модернизации наций. За небольшой период через руки Брюсова прошли латышский, эстонский, финский, украинский и еврейский поэтические тексты [36, с. 38]. Брюсов подчеркивал: «...кроме знания языка, нужно еще особое чутье к его тайнам... которое, кажется, дается лишь для материнского языка (*langue maternelle*)». В богатом этнокультурном наследии России, в этой «фиалке в тигеле» Брюсов понимал политическую «тяжесть проклятия вавилонского смешения языков» [37].

Брюсов, продолжая продвигать на политическую сцену этнокультурный онтологический опыт России, связывал его с актуальной проблемой взаимопроникновения культур как основы нового Русского мира. Кавказ в этом процессе занял особое место. «Кавказские мотивы» — историко-литературный феномен, актуальный для историков, этнографов, фольклористов, уточнял эту «генеалогию». Так, сложные черты символизма в творчестве армянского поэта В. Терьяна свели его с Брюсовым. Когда в Московском армянском комитете назрела идея создать на русском языке большой сборник армянской поэзии, Терьян вместе с Ал. Цатуряном по совету М. Горького обратились к Брюсову. Брюсов вначале изучил армянскую литературу, ее историю. «Мною была прочитана целая библиотека книг, — признавался он, — на разных доступных мне языках (русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском)». Он три месяца учил армянский язык у литературного и общественного деятеля П. Макинцьяна, игравшего важную роль в руководстве этнокультурными практиками в Наркомнаце, Наркомпросе, а также и в родной Армении [38]. Помогал сын профессора словесности Лазаревского института К. Б. Кусикьяна, будущий византист Иосиф Кусикьян, в 1924—1930 гг. ответственный за перевод на армянский язык законов СССР. Брюсов интересовался работами Н. Я. Марра, открывшего культуру яфетидов: в древнем Ване «знакомящих нас с целым культурным миром, о котором наука ранее едва подозревала, изменяя в значительной степени нашу концепцию всемирной истории» [39].

Брюсов привлек к переводам лидеров поэтического авангарда К. Бальмонта, А. Блока, И. Бунина, Вяч. Иванова, Ю. Веселовского, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, Ю. Балтрушайтиса. Самого Терьяна он считал «учеником символистов» и «наиболее видным деятелем среди молодых поэтов „русской Армении“» [40, с. 393 ; 41, с. 463]. Брюсов видел «две силы, два противоположных начала»: они, «скрещаясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер ее народа на протяжении тысячелетий: начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии» [42].

Очерк исторических судеб армянского народа издан в 1918 г. Поэт писал: «...как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложнейших вопросов

будили научное любопытство, а как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты» [43]. Академик арабист И. Крачковский поздравлял его: «Ни в России, ни в Европе (насколько я знаю) ни одна восточная поэзия не представлена в таком образцовом издании, литературно-изысканном и в то же время научно-добросовестном» [44].

Авангардисты в структурах управления культурными ресурсами в национальных окраинах использовали опыт Брюсова. Сын этнографа, поэт-символист С. Городецкий издал в Тифлисе в 1918 г. цикл стихов «Ангел Армении» с посвящением армянскому поэту О. Туманяну, считая «себя продолжателем славного дела Валерия Брюсова» [45]. В Баку он, заведя художественным отделением РОСТА в Политуправлении Каспийского флота, работал над содержанием символики эмоциональных трагедий региона: «Все экзотическое восприятие Востока, которое... повлекло меня на Кавказ, а не в Галицию, которую я тоже жаждал освободить, сгорело в пестрых лохмотьях народа, уходящего с родины. И Восток впервые предстал предо мной таким, каким он был не в мечтах, а в жизни» [46, с. 120]. Этот реализм в 1918 г. ценил нарком Луначарский. «...Там, в желтой, испеченной солнцем Армении, израненной человеческим зверством», возникают произведения, которые «болезненно сжимают сердце читателя» [47, с. 46]. Восточные мотивы близки и А. Блоку, отмечавшему, что «у Лермонтова свой Восток, у Полонского — свой и у Бунина — свой». Блок показал, как различаются Запад и Восток: по обычаям, истории, культуре, мировоззрению, духовному развитию. «Скифы» Блока заставляли думать о необходимости перемирия между непохожими мирами. Помогавший Брюсову освоить армянский язык П. Макинцян в 1919—1920 гг. на заседаниях коллегии Восточного отдела «Всемирной литературы» с востоковедами С. Ольденбургем, И. Крачковским, Б. Владимирцовым, В. Алексеевым обсуждал важность восточной классики для понимания современных обстоятельств жизни народов [48].

Брюсов продвигал свой подход в кругах балтийских, украинских, еврейских элит, переводя поэзию латыша Я. Райниса, финна С. Топелиуса (писавшего на шведском [49]), литовца Ю. Балтрушайтиса. В 1916 г. у М. Горького возник план издать сборник эстонской литературы. Редактором раздела поэзии должен быть Брюсов [50, с. 23—25]. Готовя издание антологии украинской литературы, издательство «Парус» пригласило Брюсова редактировать поэтический раздел. Брюсов привлек Вс. Рождественского, К. Липскерову, В. Ходасевича, Н. Гумилева. Несколько переводов из Т. Шевченко, В. Самойленко, О. Маковеева и Н. Филианского он выполнил сам. В 1918 г. Брюсов переводил стихи еврейских поэтов Культур-Лиги Х. Бялика, Я. Кагана, С. Черняховского, Р. Шоула с идиш и иврита [51].

16 ноября 1921 г. на торжественном открытии Высшего литературно-художественного института (ВЛХИ) Луначарский отметил: «В то время как музыка, живопись, архитектура имеют свои преподавательские пути, литературное искусство находилось во власти кустарничества каждого отдельного писателя. Опыт эпох и школ пропадал даром... Этот опыт и взял на себя Наркомпрос, создавая Высший литературно-художественный институт. Опыт крайне тяжелый, ибо это первый опыт во всем мире» [52]. Брюсов привлек в ВЛХИ талантливых преподавателей: М. Гершензона, Л. Гроссмана, П. Когана, А. Луначарского, Н. Пиксанова, П. Сакулина, В. Фриче, М. Цявловского. В трехлетний курс обучения включались профильные дисциплины и ряд «вспомогательных» предметов (история изобразительного искусства, языкознание, история театра, философия искусства, логика, психология, техника речи, музыка, библиотечное дело, дыхание, народное творчество, иностранные языки, техника собраний и др.), общественные науки (например, исторический материализм, организация производства и даже электрификация).

Одним из важных направлений работы ЛИТО были правила коммуникации власти с обществом, с миром, с другим человеком, их языковые аспекты. На решение этих же задач ориентирован Институт живого слова (Комиссия живого слова — с 1925 г.), основанный в 1918 г. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом при поддержке Наркомпроса [53, с. 13 ; 54, с. 1—52]. История института восходила к курсам дикции и декламации, организованным чтецом-философом В. К. Сержниковым. Вдохновленный революцией, он писал: «...хоровая декламация после Октября... созвучна новой общественности, в которой индивидуальное, обособленное начало уступает место коллективному, массовому. Основанная на принципе коллективизма, массового организованного сотрудничества... вся общественная атмосфера была как бы насыщена коллективистическими устремлениями» [55, с. 6—7]. С осени 1919 г. они сделались Государственным институтом декламации (ГИД), а с осени 1920 г. — Государственным институтом слова («ГИС — это Государственный институт Сержникова», — шутили завистники). В здании ГИС на Воздвиженке символист Ю. Верховский читал курс итальянской литературы, бывший директор императорских театров С. Волконский учил «искусству произнесения», поэт и искусствовед С. Шервинский — стиховедению, знакомая с Луначарским фольклорист О. Озаровская учила понимать фольклор, друг А. Скрябина Л. Сабанеев — историю музыки. За две голодные зимы в ГИС успели поработать искусствовед Б. Грифцов, поэты — теоретик мистического анархизма Г. Чулков и председатель московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва Г. Рачинский, философы Г. Шпет, Н. Бердяев, Ф. Степун и др. Особо выделялся идеолог символизма Вяч. Иванов, он не просто читал там лекции, но налаживал связи с наркомпросовскими работниками и самим наркомом. История ГИСа закончилась в январе 1922 г.: часть студентов и преподавателей перешли в Брюсовский институт [56].

В 1919 г. открылся Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (Институт им. А. Н. Веселовского) при Петроградском университете (с 1930 г. — Институт речевой культуры). В 1920 г. в Москве начал работать Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока при Главнауке Наркомпроса (иногда назывался Северокавказским из-за преимущественного внимания к региону). Комитет возглавил Н. Ф. Яковлев. Армянский институт был переименован в Институт живых восточных языков. В октябре 1921 г. ВЦИК объединил его с Петроградским институтом живых восточных языков, восточным отделением университета в Институт востоковедения. В 1921 г. создан Институт яфетидологических изысканий (с 1922 г. — Яфетический институт, с 1931 г. — Институт языка и мышления, в его состав включена бывшая Комиссия по русскому языку АН).

Впервые используемые в отечественной историографии документы существенно уточняют содержание концепта Русского мира в отечественном политическом и научном языке в раннесоветский период. Русский мир был феноменом, активно используемым в советской политической практике, в формировании нового государства, на базе культурно-лингвистических подходов, обогащая свой этнический контент, развивал интеллектуальные ресурсы взаимодействия в новых исторических условиях и обстоятельствах, раскрывал новые возможности фронтальной коммуникации, оказывающей влияние на массовое сознание.

Список источников

1. Ларин И. Двенадцатая ночь Александра Блока // Знамя. 2011. № 8. С. 195—206.
2. Ушакин С. «Не взлетевшие самолеты мечты»: о поколении формального метода (часть первая) // Гефтер. 2016. 6 апр. URL: <https://gefter.ru/archive/18082> (дата обращения: 18.09.2024).

3. Shklovsky: Witness to an era: interviews with Serena Vitale / trans. J. Richards. Champaign : Dalkey Archive Press, 2012. 120 p.
4. Фаликов Б. Крученых, Малевич, Матюшин: «Причудливая игра» // Театр. 2017. 15 июля. URL: <https://oteatre.info/kruchenyh-malevich-matyushin-prichudlivaya-igra/> (дата обращения: 19.03.2024).
5. Ouspensky P. D. Letters from Russia, 1919. London : Routledge & K. Paul, 1978. 59 p.
6. Топорков А. К. Идеалы современной демократии. М. : Революция и Культура, 1918. 108 с.
7. Югурта [Топорков А. К.]. Поэзия и литература // Гостиница для путешественников в прекрасном. 1923. № 2. С. 19—20.
8. Немов А. [Топорков А. К.] Идея славянского возрождения. М., 1915—1916. 60 с.
9. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
10. Карманова М. О. Отношение творческой интеллигенции к реформе русского языка 1918 года: Советское государство как историко-культурный феномен // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 130—138.
11. Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. ; Петроград, 1918. С. 89.
12. Браун Ф. А. Новая орфография // Руль. 1921. № 143.
13. Кузьман Н. К. О русском правописании. Берлин : Русская мысль, 1923. 16 с.
14. Шкловский В. Ленин как деканонизатор // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 53—56.
15. Эйхенбаум Б. Основные стилевые тенденции в языке Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 57—70.
16. Якубинский Л. О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 71—81.
17. Тынянов Ю. Словарь Ленина-полемика // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 81—110.
18. Казанский Б. Речь Ленина: опыт риторического анализа // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 111—139.
19. Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями: реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005 // М. М. Бахтин в Саранске: исследования, документы, материалы : сб. науч. тр. Мордов. гос. ун-та ; отв. ред. О. Е. Осовский. Саранск : [б. и.], 2006. С. 39—60.
20. Якубинский Л. Язык и его функционирование : избранные работы / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1986. 205 с.
21. Калинин И. Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов // Там, внутри: практика внутренней колонизации в культурной истории России : сборник статей. М. : НЛЮ, 2012. С. 587—664.
22. Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15(4). С. 605—617.
23. Яров С. Риторика вождей: В. И. Ленин и И. В. Сталин как ораторы // Звезда. 2007. № 11. С. 168—179.
24. Борис Эйхенбаум как советский субъект: несколько мыслей о работе Е. А. Тоддеса «Б. М. Эйхенбаум в 30—50-е годы: к истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции» // НЛЮ. 2014. № 6(130).
25. Общее дело. 1921. 21 февраля.
26. Шкловский В. Куда шагает Дзига Вертов // Шкловский В. За 60 лет: работы о кино. М. : Искусство, 1985. С. 79—82.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 102.
28. Винокур Г. О революционной фразеологии: один из вопросов языковой политики // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 104—119.
29. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 51. Д. 180.
30. Ивнев Р. Дневник 1906—1980. М. : Эллис Лак, 2012. 880 с.
31. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 4.
32. Литературный отдел Наркомпроса: к истории его создания // Вопросы литературы. 1969. № 2. С. 247—249.
33. Воспоминания о Н. С. Гумилёве: запись Л. В. Горнунга от 11.09.23 г. // Николай Гумилёв : электронное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/biography/166/#bp7> (дата обращения: 17.03.2024).
34. Дзванкауская М. В., Мясников А. С., Рыбинский М. И. А. М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» (1918—1921 гг.) // Исторический архив. 1958. № 2. С. 67—95.
35. Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М. : Советский писатель, 1989. 336 с.
36. Сиволов Б. М. Валерий Брюсов и передовая русская литература его времени. Харьков, 1985. 135 с.
37. Брюсов В. Я. Фиалки в тигеле // Русские писатели о переводе: XVIII—XX вв. Л. : Советский писатель, 1960. С. 532—550.
38. Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. М.: Наука. 1992. 298 с.

39. Брюсов В. Сфинксы и вишапы. Некоторые черты культуры древнейшего Кавказа // Арт&Факт. 2007. 2 апр. URL: <https://artifact.org.ru/soglasiya-i-raznoglasiya/sravnenie-versiy/83-valerij-bryusov-sfinksy-i-vishapy.html> (дата обращения: 19.03.2024).
40. Поэзия Армении / пер. В. Я. Брюсова; под ред. и с предисл. О. Т. Ганалаяна. Ереван: Айпетрат, 1963. 413 с.
41. Ларионова Л. Г. Неизвестные инскрипты Брюсова в фондах ГПИ библиотеки // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 452—466.
42. Брюсов В. Я. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков: историко-литературный очерк // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов / под ред. В. Брюсова. М.: Московский армянский комитет, 1916. С. 21—95.
43. Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа: от VI в. до Р.Х. по наше время. М.: Московский армянский комитет, 1918. 123 с.
44. Молодяков В. Валерий Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2020. 544 с.
45. Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / под ред. Г. Б. Гарибджаняна. Ереван: Айастан, 1974. 219 с.
46. Городецкий С. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. 574 с.
47. Литературное наследство. Т. 74. Из творческого наследия советских писателей / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1965. 742 с.
48. Архив А. М. Горького при ИМЛ им. А. М. Горького РАН. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Д. 283.
49. Сборник финляндской литературы / под ред. В. Брюсова и М. Горького. Петроград: Парус, 1917. 490 с.
50. Линде Б. Встречи с русскими писателями // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 217: Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник: к столетию со дня рождения (1868—1968) / отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1968. С. 23—25.
51. Еврейская антология: сборник молодой еврейской поэзии / под ред. В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе. М., 1918. 208 с.
52. Известия. 1921. 22 ноября.
53. Временник ТЕО Наркомпроса. 1918. № 1. С. 13.
54. Сережников В. К. 10 лет работы на культуру живого слова. М., 1923. 71 с.
55. Сережников В. К. Коллективная декламация: теория и практика в научно-популярном изложении: руководство для преподавателей художественного чтения и драматического искусства, кружководов, музыкальных композиторов, композиторов речи, режиссеров, поэтов, работников просвещения и культработников (избачей и др.). М.: Моск. театральное изд-во, 1927. 222 с.
56. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1364. Оп. 4. Д. 755.

References

1. Larin I. Dvenadtsataya noch' Aleksandra Bloka [Alexander Blok's Twelfth Night], *Znamya [Znamya]*, 2011, no. 8, p. 195—206.
2. Ushakin S. «Ne vzletevshie samolety mechtay»: o pokolenii formal'nogo metoda (chast' pervaya) ["Dream planes that didn't take off": on the generation of the formal method (part one)], *Gefter [Gefter]*, 2016, 6 apr. Available at: <https://gefter.ru/archive/18082> (accessed: 18.09.2024)
3. Shklovsky: Witness to an era: interviews with Serena Vitale / trans. J. Richards. Champaign, Dalkey Archive Press, 2012, 120 p.
4. Falikov B. Kruchenykh, Malevich, Matyushin: "Prichudlivaya igra" [Kruchenykh, Malevich, Matyushin: "Bizarre Game"], *Teatr" [Theater]*, 2017, 15 iyulya. Available at: <https://oteatre.info/kruchenykh-malevich-matyushin-prichudlivaya-igra/> (accessed: 19.03.2024).
5. Ouspensky P.D. Letters from Russia, 1919. London, Routledge & K. Paul, 1978, 59 p.
6. Toporkov A.K. Idealy sovremennoy demokratii [The ideals of modern democracy]. M., Revolyutsiya i Kul'tura, 1918, 108 p.
7. Yugurta [Toporkov A.K.] Poeziya i literature [Poetry and literature], *Gostinitsa dlya puteshestvuyushchikh v prekrasnom [A hotel for travelers in the beautiful]*, 1923, no. 2, p. 19—20.
8. Nemov A. [Toporkov A.K.] Ideya slavyanskogo vozrozhdeniya [The idea of Slavic revival]. Moscow, 1915—1916, 60 p.
9. Dobrenko E. (ed.), Tikhonova G. (ed.). Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetetskaya epokhi [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 792 p.
10. Karmanova M.O. Otnoshenie tvorcheskoy intelligentsii k reforme russkogo yazyka 1918 goda: Sovetskoe gosudarstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen [The Attitude of Creative Intellectuals to the Russian Language Reform of 1918: The Soviet State as a Historical and Cultural Phenomenon], *Istoriya: fakty i simvol'y [History: facts and symbols]*, 2018, no. 3 (16), p. 130—138.

11. Ivanov Vyach. Nash yazyk [Our language], *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the Depths. Collection of articles on the Russian Revolution]. Moscow ; Petrograd, 1918, p. 89.
12. Braun F.A. Novaya orfografiya [New spelling], *Rul'* [Roul], 1921, no. 143.
13. Kul'man N.K. O russkom pravopisanii [About Russian spelling]. Berlin, Russkaya mysl', 1923, 16 p.
14. Shklovskiy V. Lenin kak dekanonizator [Lenin as decanonizer], *LEF* [LEF], 1924, no. 1, p. 53—56.
15. Eykhenbaum B. Osnovnye stilevye tendentsii v yazyke Lenina [The main stylistic tendencies in Lenin's language], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 57—70.
16. Yakubinskiy L. O snizhenii vysokogo stilya u Lenina [On the decline of Lenin's high style], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 71—81.
17. Tynyanov Yu. Slovar' Lenina-polemista [Lenin's polemicist's dictionary], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 81—110.
18. Kazanskiy B. Rech' Lenina: opyt ritoricheskogo analiza [Lenin's speech: an experience of rhetorical analysis], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 111—139.
19. Braginskaya N.V. Mezhdru svidetelyami i sud'yami: replika po povodu knigi: V.M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Between witnesses and judges: a rejoinder to the book: V. M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, M. M. Bakhtin v Saranske: issledovaniya, dokumenty, materialy : sb. nauch. tr. Mordov. gos. un-ta, O.E. Osovskiy (ed.), Saransk, 2006, p. 39—60.
20. Yakubinskiy L. Yazyk i ego funktsionirovanie : izbrannyye raboty [Language and its functioning : selected works], ed. by A. A. Leon'tev. Moscow, Nauka, 1986, 205 p.
21. Kalinin I. Ugnetyennyye dolzhny govorit': massovyy prizyv v literaturu i formirovanie sovet'skogo sub'ekta, 1920-e — nachalo 1930-kh godov [The Oppressed Must Speak: mass conscription into literature and the formation of the Soviet subject, 1920 — early 1930s], *Tam, vnutri: praktika vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside: practices of internal colonization in Russian cultural history]. Moscow, NLO, 2012, p. 587—664.
22. Kalinin I.A. Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's language is made: the stuff of history and the reception of ideology], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature], 2018, no. 15(4), p. 605—617.
23. Yarov S. Ritorika vozhd'ey: V. I. Lenin i I. V. Stalin kak oratory [Rhetoric of Leaders: Lenin and Stalin as orators], *Zvezda* [Zvezda], 2007, no. 11, p. 168—179.
24. Boris Eykhenbaum kak sovet'skiy sub'ekt: neskol'ko mysley o rabote E. A. Toddesa "B.M. Eykhenbaum v 30—50-e gody: k istorii sovet'skogo literaturovedeniya i sovet'skoy gumanitarnoy intelligentsii" [Boris Eichenbaum as a Soviet Subject: Some Thoughts on E. A. Toddes's paper "B. M. Eichenbaum in the 30—50s: Toward a History of Soviet Literary Studies and the Soviet Humanitarian Intelligentsia"], *NLO* [NLO], 2014, no. 6(130).
25. Obshchee delo [A common cause], 1921, 21 fevralya.
26. Shklovskiy V. Kuda shagaet Dziga Vertov [Where Dziga Vertov goes], *Shklovskiy V. Za 60 let: raboty o kino* [Over 60 years: writings about movies]. Moscow, Iskusstvo, 1985, p. 79—82.
27. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF), coll. A-2306, aids 2, fol. 102.
28. Vinokur G. O revolyutsionnoy frazeologii: odin iz voprosov yazykovoy politiki [On revolutionary phraseology: a question of language policy], *LEF* [LEF], 1923, no. 2, p. 104—119.
29. GARF [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. A-2306, aids 51, fol. 180.
30. Ivnev R. Dnevnik 1906—1980 [Diary 1906—1980]. Moscow, Ellis Lak, 2012, 880 p.
31. GARF [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. A-2306, aids 6, fol. 4.
32. Literaturnyy otdel Narkomprosa: k istorii ego sozdaniya [Literary department of Narkompros: the history of its creation], *Voprosy literatury* [Literature questions], 1969, no. 2, p. 247—249.
33. Vospominaniya o N.S. Gumileve: zapis' L.V. Gornunga ot 11.09.23 g. [Memories of N. S. Gumilev : record of L.V. Gornung from 11.09.23], *Nikolay Gumilev : elektronnoe sobranie sochineniy* [Nikolai Gumilev : collected works : electronic collection of works]. Available at: <https://gumilev.ru/biography/166/#bp7> (accessed: 17.03.2024).
34. Dzvankauskaya M.V., Myasnikov A.S., Rybinskiy M.I. A.M. Gor'kiy — organizator va "Vsemirnaya literatura" (1918—1921 gg.) [A. M. Gorky — organizer of the publishing house "World Literature" (1918—1921)], *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1958, no. 2, p. 67—95.
35. Chukovskiy N.K. Literaturnye vospominaniya [Literary Memoirs]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1989, 336 p.
36. Sivovolov B.M. Valeriy Bryusov i peredovaya russkaya literatura ego vremeni [Valery Bryusov and the advanced Russian literature of his time]. Khar'kov, 1985, 135 p.
37. Bryusov V.Ya. Fialki v tigele [Violets in the crucible], *Russkie pisateli o perevode: XVIII—XX vv.* [Russian writers on translation: XVIII—XX centuries]. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1960, p. 532—550.
38. Krasovitskaya T.Yu. Vlast' i kul'tura [Power and culture]. Moscow, Nauka. 1992. 298 p.

39. Bryusov V. Sfinksy i vishapy. Nekotorye cherty kul'tury drevneyshego Kavkaza [Power and culture], *Art&Fakt [Art&Fact]*, 2007, 2 apr. Available at: <https://artifact.org.ru/soglasiya-i-raznoglasiya/sravnenie-versiy/83-valerij-bryusov-sfinksy-i-vishapy.html> (accessed: 19.03.2024).
40. Poeziya Armenii [Poetry of Armenia], ed. O.T. Ganalanyan. Erevan, Aypetrat, 1963, 413 p. (in russ.)
41. Larionova L.G. Neizvestnye inskripty Bryusova v fondakh GPI biblioteki [Brusov's unknown inscriptions in the library's GPI collections], *Literaturnyy fakt [Literary fact]*, 2019, no. 1(11), p. 452—466.
42. Bryusov V.Ya. Poeziya Armenii i ee edinstvo na protyazhenii vekov: istoriko-literaturnyy ocherk [Poetry of Armenia and its unity throughout the centuries: historical and literary essay], *V. Bryusov (ed.) Poeziya Armenii s drevneyshikh vremen do nashikh dney v perevode russkikh poetov [Poetry of Armenia from ancient times to the present day in translation of Russian poets]*. Moscow, Moskovskiy armyanskiy komitet, 1916, p. 21—95.
43. Bryusov V. Letopis' istoricheskikh sudeb armyanskogo naroda: ot VI v. do R.Kh. po nashe vremya [Chronicle of the historical destinies of the Armenian people: from the VI century B.C. to our time]. Moscow, Moskovskiy armyanskiy komitet, 1918, 123 p.
44. Molodyakov V. Valeriy Bryusov [Valery Bryusov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2020, 544 p.
45. Gorodetskiy S. Ob Armenii i armyanskoy kul'ture [On Armenia and Armenian culture], G. B. Garibdzhyana (ed.). Erevan, Ayastan, 1974, 219 p.
46. Gorodetskiy S. Izbrannye proizvedeniya, in 2 vol. [Selected Works: in 2 vol.] Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987, vol. 2, 574 p.
47. Literaturnoe nasledstvo, vol. 74. Iz tvorcheskogo naslediya sovetskikh pisateley [Literary Heritage. vol. 74. From the creative heritage of Soviet writers]. Moscow, Nauka, 1965, 742 p.
48. Arkhiv A.M. Gor'kogo pri IML im. A.M. Gor'kogo RAN [A.M. Gorky Archive at the A.M. Gorky IML of the Russian Academy of Sciences], coll A.N. Tikhonova, aids 2, fol. 283.
49. Bryusov V. (ed.), Gor'kiy M. (ed.). Sbornik finlyandskoy literatury [A collection of Finnish literature]. Petrograd, Parus, 1917, 490 p.
50. Linde B. Vstrechi s russkimi pisatelyami [Meetings with Russian writers], *Uchenye zapiski Tartusko-gosudarstvennogo universiteta*, issue 217, *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. XIII: Gor'kovskiy sbornik: k stoletiyu so dnya rozhdeniya (1868—1968) [Scientific Notes of Tartu State University. Vyp. 217: Works on Russian and Slavonic philology. XIII: Gorky's collection: to the centenary of his birth (1868—1968)]*, (ed.) Z.G. Mints. Tartu, 1968, p. 23—25.
51. Khodasevich V.F. (ed.), Yaffe L.B. (ed.). Evreyskaya antologiya: sbornik molodoy evreyskoy poezii [Jewish anthology: a collection of young Jewish poetry]. Moscow, 1918, 208 p.
52. Izvestiya [Izvestia], 1921, 22 noyabrya.
53. Vremennik TEO Narkomprosa [Vremennik TEO of the People's Commissariat of Education], 1918, no. 1, p. 13.
54. Serezhnikov V.K. 10 let raboty na kul'turu zhivogo slova [10 years of working for the culture of the living word]. Moscow, 1923. 71 s.
55. Serezhnikov V. K. Kollektivnaya deklamatsiya : teoriya i praktika v nauchno-populyarnom izlozhenii : rukovodstvo dlya prepodavateley khudozhestvennogo chteniya i dramaticheskogo iskusstva, kruzhkovodov, muzykal'nykh kompozitorov, kompozitorov rechi, rezhisserov, poetov, rabotnikov prosveshcheniya i kul'trabotnikov (izbachey i dr.) [Collective recitation : theory and practice in popular science : a guide for teachers of art reading and drama, circle leaders, music composers, speech composers, directors, poets, educators and cultural workers (izbicha and others)]. Moscow, Moskovskoe teatral'noe publ., 1927, 222 p.
56. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)], coll. 1364, aids 4, fol. 755.

Информация об авторе

Красовицкая Тамара Юсуфовна — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Information about the author

Tamara Yu. Krasovitskaya — Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 07.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 07.02.2024.